

18+

Yu. Elisey

ПНЕЗДО

NEXUS

КНИГА №1

18+

Yu. Elisey

Гнездо

«Автор»

2026

Elisey Y.

Гнездо / Y. Elisey — «Автор», 2026

Четверо нелегальных проводников - сталкеров, окрылённых адреналином, прешагивают грань, отделяющую реальность от древнего, голодного ужаса. Зона встречает их не радиоактивными руинами а гнетущей тишиной, серым рассветом похожим на липкую плесень, и воздухом, плотным как кисель. Здесь физика уступает место страху. Поначалу кажется, что опасность-это лишь вымысел для туристов. Но когда из недр земли раздаётся ритмичный,сводящий с ума стук, друзья понимают:они здесь не одни.В самую тёмную предрассветную пору, когда костер почти догорел, Артем видит то,что заставляет его кровь застыть: сквозь тонкую ткань палатки на них смотрят исполинские, пульсирующие ладони. Это не просто мутанты. Это гнездо. И оно пришло не просто убить их. Оно пришло, что бы забрать своё.

Содержание

Глава 1. ЗОНА НЕ ЛЮБИТ ГОСТЕЙ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

У. Elisey

Гнездо

Глава 1. ЗОНА НЕ ЛЮБИТ ГОСТЕЙ

Зона отчуждения не умеет встречать рассвет красиво.

В «миру», за пределами охраняемого периметра, утро всегда приносит с собой робкую надежду. Там, в оставленном нами городе, это время золотистых бликов, лениво играющих на панорамных стеклах высоток, хриплых криков чаек над сонным лиманом и густого, бодрящего запаха свежего кофе из уличных кофеен. Там рассвет — это начало чего-то нового. Здесь же он не обещал ничего, кроме продолжения липкого кошмара. Это было просто медленное, неохотное и болезненное отступление ночной тьмы, обнажающее уродство и мертвенность этого проклятого места.

Утро напоздало на изрезанную трещинами землю вяло, словно серая, влажная плесень. Сначала угольно-черное небо просто потеряло свою глубину, сменив плотный ночной оттенок на грязно-свинцовый, тяжелый цвет. Низкие, набухшие тучи нависали так низко, что казалось, будто они ложатся тяжелым прессом прямо на прогнувшуюся крышу нашего дребезжащего «бусика». Затем из плотного молочного тумана, клубившегося у обочин, начали медленно проступать они — остовы деревьев. Изломанные, полностью лишённые коры, покрытые уродливыми наростами, они походили на обглоданные, выбеленные временем кости гигантских великанов, заживо похороненных в этой глуши.

Воздух за пределами салона казался слишком плотным, вязким — им невозможно было дышать без усилий, словно легкие заполняла невидимая влажная взвесь. Он был насквозь пропитан болотной сыростью, горьким, удушливым запахом прелой, десятилетней листвы и тем самым едва уловимым, но навязчивым металлическим привкусом. Этот привкус мгновенно оседал на языке, напоминая налет от старой, потекшей батареек, и заставлял поминутно сглатывать сухую слюну.

Именно в такое серое, мертвое утро наш старый, выдавший виды микроавтобус пересекал невидимую, но вполне осязаемую черту.

Машина была под стать окружающему пейзажу. Облупившаяся синяя краска на кузове местами сошла целыми слоями, напоминая чешую больной рыбы, выброшенной на берег. На лобовом стекле прямо перед пассажирским сиденьем красовалась глубокая трещина — она ветвилась и дробилась во все стороны, пугающе похожая на сложную схему нейронных связей или корявый рисунок кровеносных сосудов. Старый двигатель вечно кашлял, натужно выл на подъемах и выбрасывал из выхлопной трубы сизые, пахнущие паленым маслом клубы дыма. Изношенные колеса с трудом перемалывали крошащийся, потрескавшийся асфальт, который здесь, в глубине Зоны, уже давно проигрывал многолетнюю войну цепким сорнякам, дикому вереску и острому щебню. Каждый раз, когда мы на скорости влетали в очередную глубокую выбоину, салон отзывался жалобным, протяжным, почти человеческим стоном измученного, ржавеющего железа. В багажном отсеке глухо и ритмично гремели инструменты, канистры и наши наспех уложенные рюкзаки.

Костя вцепился в потрескавшийся пластик руля с такой силой, что костяшки его пальцев побелели и натянулись, став похожими на обточенную морской солью гальку. На его лбу проступила глубокая складка. Он почти не моргал, вглядываясь в серую ленту дороги перед собой с таким выражением, словно ожидал, что прямо сейчас асфальт под колесами разверзнется, обнажая пасть преисподней. Его напряжение не просто угадывалось — оно передавалось нам

физически, вибрируя в тесном пространстве салона, смешиваясь с надсадным гулом мотора и запахом дешевого бензина.

Мы молчали уже минут двадцать, и это молчание давило на барабанные перепонки сильнее, чем самый громкий крик. Атмосфера была настолько наэлектризованной, что любой случайный резкий звук казался угрозой.

«Зачем мы здесь? Для чего вообще полезли сюда? — этот навязчивый вопрос бился в моей голове в такт монотонной работе поршней. — Чтобы сбежать? Или чтобы почувствовать хоть что-то настоящее, кроме бесконечной, отупляющей усталости от большого города?»

Там, в «миру», всё давно стало предсказуемым, понятным и плоским. Рутинная работа, возвращение в пустую душную квартиру, бессмысленные разговоры в барах по пятницам, чужие лица, которые забываешь через минуту после встречи. Там, среди асфальта и неона, я отчетливо чувствовал, как медленно зарастаю тиной, как теряю себя, превращаясь в часть безликого серого шума. Здесь же... здесь правила были другими. Здесь каждый сделанный вздох имел свою осязаемую цену, а смерть не казалась чем-то абстрактным со страниц криминальной хроники. Она караулила прямо за порогом.

— Ты расслабься, Костян, поднажми на газ, — наконец нарушил затянувшуюся тишину Димон.

Его резкий, излишне бодрый голос на заднем сиденье прозвучал неожиданно громко, заставив меня вздрогнуть и вырвав из вязких раздумий. Димон вальяжно развалился среди громоздких рюкзаков и туго свернутых спальников, изо всех сил пытаясь сохранить привычный вид лихого, бесстрашного искателя приключений. Чтобы хоть как-то занять руки, он вертел в пальцах старый охотничий нож, то и дело поправляя широкую кожаную ляжку на поясе. Но как бы он ни рисовался, я видел, как по его виску, несмотря на пронизывающую утреннюю прохладу, катится крупная капля пота, а пальцы едва заметно подрагивают при каждом повороте лезвия.

— Мы же не в первый раз в вылазку идем, ну? Чего ты бледный такой? Вспомни, как в прошлом году на тот заброшенный химзавод на окраине области лазили? Тоже мандражировал, как испуганный школьник перед важным экзаменом, а потом тебя за уши оттуда вытащить не могли, когда ты в полуразрушенных цехах какие-то ржавые шестеренки на сувениры собирал!

— В прошлый раз мы не лезли в самую задницу, Димон, — не оборачиваясь и не меняя позы, глухо буркнул Костя.

Его голос был сухим, резким и колючим, как высохшее перекасти-поле. Он даже не соизволил взглянуть в зеркало заднего вида, продолжая контролировать каждый метр разбитого полотна.

— Тогда мы просто топтались на самых безопасных окраинах, где до ближайшего цивилизованного КПП было полчаса ленивым бегом по прямой. А сейчас мы премясь в такие глухие дебри, где даже мародеры со стажем и браконьеры срать начинают от одного упоминания. Ты лучше посмотри внимательно в окно, умник, а потом рассказывай мне про свои безопасные заводы и ржавые сувениры.

Я послушно повернул голову к боковому стеклу. Костя был прав. Лес по обе стороны дороги за последние несколько километров изменился до неузнаваемости, словно подчиняясь чьей-то извращенной, нечеловеческой воле. Он больше не выглядел живым или естественным — во всяком случае, в привычном для человека понимании. Деревья стояли неестественно плотно, почти прижимаясь друг к другу искривленными стволами. Их серые ветви, полностью лишённые нормальной зеленой листвы, переплетались между собой в дикие, гротескные узлы, образуя сплошной свод над дорогой. Казалось, эти уродливые исполины не растут вверх, к свету, а яростно пытаются задушить друг друга в вечной судороге или стремятся надежно

скрыть свинцовое небо от случайных, неосторожных глаз. Солнечный свет вообще не пробивался сквозь эту чашу, оставляя под деревьями густой, зловещий полумрак.

— Да брось ты жути нагонять и нагнетать тоску, — лениво подал голос Серый, сидевший по правую руку от Димона.

Он меланхолично вертел в ладонях тяжелый металлический фонарь, то и дело нажимая на кнопку и проверяя уровень заряда батареи. Серый всегда отличался жестким, непоколебимым скептицизмом; его холодный, чисто рациональный ум инженера наотрез отказывался принимать мистику и зловещие слухи, которыми так любили окружать Зону.

— Зона — это просто заброшенная территория, кусок земли, не более. Огромная свалка, заросшая бурьяном, которая обросла дурацкими байками для доверчивых туристов, диванных экстремалов и любителей дешевых аномалий. Радиация? Полно тебе. Половина опасных изотопов давно ушла глубоко в грунт с дождевыми водами или распалась за столько-то лет. Остались только гнилые пустые дома, плесень на кирпичках да глупые легенды про «черных сталкеров» и ходячие деревья, которые пьяные деды рассказывают у костра за бутылку дешевой водки, чтобы сорвать легкие деньги с городских дурачков.

— Легенды просто так на пустом месте не появляются, Серый, — тихо пробормотал Костя, и на этот раз в его глухом голосе промелькнула тень неподдельной, глубокой тревоги. Он на секунду ослабил хватку на руле, чтобы вытереть вспотевшие ладони о джинсы. — У каждого человеческого страха есть свой фундамент. Тяжелый, осязаемый фундамент. И мы сейчас по этому самому фундаменту колесами едем. Прямо в эпицентр.

Я по-прежнему не вмешивался в их вялотекущий спор. Я молча смотрел на свои руки, положенные на колени, на пальцы, которые едва заметно, но непрерывно подрагивали мелкой дрожью, и тщетно пытался нащупать ту невидимую грань внутри себя, за которой здоровое человеческое любопытство окончательно превращается в чистое безумие. У каждого из нашей четверки была своя, глубоко личная причина оказаться здесь, внутри этого «бусика». Для Димона это был чистый азарт, дешевый и опасный адреналиновый наркотик, которым он годами безуспешно пытался заглушить звенящую пустоту в собственной душе после череды жизненных неудач. Серый искал уникальный «контент» — яркие, пугающие кадры и леденящие душу истории, которыми можно было бы эффектно хвастаться перед коллегами в душном офисе, создавая себе искусственный образ крутого, рискованного парня. Костя... Костя был нашим верным якорем, голосом разума. Он согласился поехать в эту глушь только потому, что физически не мог отпустить нас одних. Он считал себя гиперответственным за нашу компанию, глупо не понимая, что в Зоне чужая ответственность — это слишком тяжелый, порой смертельный груз, тянущий на дно всех остальных.

А я? Я просто чувствовал, как задыхаюсь там, за колючей проволокой, в так называемом «миру». Слишком много одинаковых, блеклых рассветов, слишком много пустых обещаний, фальшивых улыбок и предсказуемых маршрутов. Мне до боли нужно было ощутить что-то настоящее, фундаментальное, первобытное. Даже если это «настоящее» окажется смертельно опасным и будет насквозь пахнуть тленом, сырой землей и смертью.

— Смотри туда, — Димон резко подался вперед, почти ложась грудью между нашими передними сиденьями и ткнув коротким толстым пальцем в мутное пространство прямо перед лобовым стеклом. — Вон она, финишная прямая нашего маленького круиза. Приехали, пацаны.

Впереди, сквозь серую, мелко дрожащую дымку утреннего тумана, медленно проступил дорожный знак. Он был старым, ржавым, сильно покосившимся от времени и буквально изрешеченным следами — то ли от охотничьей дробы, то ли от осколков старых снарядов. На облупившемся желтом фоне едва читались зловещие буквы: «Зона отчуждения. Проезд и проход строго запрещен». За этим знаком разбитая дорога окончательно теряла всякий намек на чело-

веческую цивилизацию и уходила в никуда, бесследно растворяясь в густом, словно кипящем мареве тумана.

Костя плавно притормозил, на несколько секунд сбросив скорость до минимума, словно давая каждому из нас последний, финальный шанс передумать, развернуть машину и рвануть назад. Старый двигатель недовольно, прерывисто ворчал, содрогаясь всем корпусом. Но никто не произнес ни слова. Салон замер в глухом оцепенении. Костя тяжело вздохнул, переключил передачу, и машина медленно, почти торжественно, пересекла невидимую линию, прокатившись мимо избитого ржавого знака.

И ровно в ту же секунду мир за окнами бусика необъяснимо, пугающе переменялся.

Это изменение невозможно было описать обычными физическими терминами или логическими законами. Воздух внутри тесного салона вдруг стал неестественно плотным, тяжелым и вязким, напоминая остывающий, густой кисель. Мне мгновенно заложило уши, как это бывает при резком затяжном снижении самолета или погружении на глубину, а в затылке поселилась тупая, мерзкая, давящая боль, которая тут же пустила пульсирующие импульсы в виски. Возникло и преобладало четкое, почти осязаемое на физическом уровне ощущение, что мы только что без разрешения переступили порог древнего, оскверненного склепа, который бережно хранил свои тайны десятилетиями. Само наше присутствие здесь, этот кашель бензинового мотора, этот тихий шепот — всё казалось вопиющим, непростительным богохульством, за которое неотвратимо последует кара.

Едва синеватый, истерзанный пулями силуэт дорожного знака окончательно растворился в клубящейся молочной завесе за нашими спинами, как старый двигатель «бусика» издал странный, ни на что не похожий звук. Это не было привычным кашлем перегретого мотора. Раздался тяжелый, металлический скрежет, словно внутри коробки передач кто-то со всей силы крутанул горсть крупных стальных болтов. Стрелка тахометра бешено дернулась вверх, на мгновение застыла в красной зоне, а затем замертво упала на ноль.

Машина дернулась, клюнула носом и замерла посреди разбитого шоссе.

В ту же секунду тусклый желтоватый свет приборной панели моргнул и погас. Электроника умерла мгновенно, словно из автомобиля выдернули главный шнур питания. Внезапно навалившаяся тишина показалась оглушительной. Она физически давила на перепонки, прерываемая лишь сухим, ритмичным пощелкиванием остывающего под капотом железа и нашим собственным, внезапно ставшим слишком частым дыханием.

— Какого черта?.. — Костя судорожно, до хруста в суставах, крутанул ключ в замке зажигания.

В ответ — ничего. Ни единого звука. Стартер даже не пытался провернуть вал; под капотом не раздалось даже привычного беспомощного щелчка разряженного аккумулятора. Было ощущение, что машина превратилась в монолитный, абсолютно мертвый кусок железа.

— Да ладно тебе, Костян, не дрочи замок, — Димон попытался вернуть своему голосу прежнюю развязность, но в тишине салона его фальшивый тон прозвучал жалко. — Просто клемма слетела на какой-нибудь кочке. Серый, у тебя же руки из правильного места растут, глянь, что там.

Серый ничего не ответил. Он молча нажал на кнопку своего тяжелого металлического фонаря. Луч света — густой, ярко-белый — прорезал полумрак салона, выхватив бледное лицо Кости и осевшие на лобовом стекле капли тумана.

— Напряжения нет вообще, — тихо, со скрежетом в голосе произнес Серый, глядя на экранчик карманного тестера, который он успел выудить из кармана куртки. — Аккумулятор новый, я сам его неделю назад проверял. Не мог он за секунду сесть в ноль. Здесь что-то другое.

— Что «другое»? — Костя наконец отпустил ключ и медленно повернулся к нам. В его глазах, отражавших белый свет фонаря Серого, застыл глухой, первобытный страх. — Я же

говорил вам... Зона не любит, когда в неё вкатываются с грохотом. Мы приехали, пацаны. Дальше только пешком.

Выход из машины показался мне моментом истины. Едва тяжелая сдвижная дверь «бусика» со скрипом поползла в сторону, внутрь салона хлынул воздух Зоны. Он был ледяным, сырым и до того густым, что горло мгновенно перехватило сухим кашлем. Этот воздух пах не просто прелой травой — в нем отчетливо угадывался сладковатый, тошнотворный душок застарелого гниения, смешанный с едким привкусом озона, какой бывает после сильного грозового разряда.

Я ступил на потрескавшийся асфальт. Подошвы моих тяжелых берцев глухо отозвались на контакт с землей. Первым делом моя рука на автомате опустилась к правому бедру, проверяя крепление. Тяжелая кожаная кобура была на месте. Я расстегнул кнопку и мягко потянул за рукоять — мой охотничий нож с фиксированным клинком, сделанный из тяжелой потемневшей стали, привычно лег в ладонь. Обух толщиной в четыре миллиметра, удобная наборная рукоять из кожи и бересты. В «миру» этот нож казался просто дорогой игрушкой, сувениром для походов на шашлыки, но здесь, посреди мертвой просеки, его холодный, весомый металл вернул мне крупицу уверенности. Сталь была чистой. Она приятно холодила пальцы, напоминая, что у меня всё еще есть инструмент, способный резать и защищать. Я вернул нож в ножны, но ремешок застегивать не стал — пусть будет под рукой.

— Берем рюкзаки, — скомандовал Костя, обходя машину и открывая заднюю дверь. — До старой речной протоки, где мы планировали лагерь, по карте километров восемь через лес. До темноты точно успеем. Оставаться на открытом шоссе рядом с мертвой машиной — худшая идея из всех возможных.

Мы навьючили на себя тяжелые, туго набитые рюкзаки. Лямки мгновенно вьелись в плечи, заставляя согнуться под весом провизии, палаток и снаряжения. Группа двинулась гуськом, покидая асфальт и углубляясь в чащу.

Лес встретил нас абсолютным, противоестественным беззвучием. Здесь не было птиц. Вообще. Ни единого щебета, ни шороха крыльев в вышине. Под нашими ногами не трещали сухие ветки — весь грунт был покрыт толстым, мягким слоем серого, полусгнившего мха, который полностью глушил звуки шагов, словно мы шли по дорожному ковролину в заброшенном отеле. Деревья вокруг казались неживыми декорациями к фильму ужасов. Их стволы, покрытые уродливыми черными наростами, похожими на вздувшиеся вены, переплетались над нашими головами, создавая сплошной, давящий полусвод. Туман между деревьями не рассеивался, а наоборот, становился гуще, оседая на наших куртках и лицах мелкими, липкими каплями.

Димон шел вторым, то и дело оглядываясь по сторонам. Его напускная смелость таяла с каждым шагом. Он то и дело хватался за рукоять своего ножа, но его движения были суетливыми, рваными.

— Слышите? — вдруг резко остановился он, подняв руку.

Мы замерли как вкопанные. Я затаил дыхание, вслушиваясь в серую пустоту леса.

— Что там, Дима? — шепотом спросил Серый, не выключая фонарь, луч которого теперь беспокойно шарил по корявым корням деревьев.

— Ничего... — Димон сглотнул, и я отчетливо услышал этот звук в идеальной тишине. — В том-то и фокус. Вообще ничего. Даже ветер деревья не качает. Как будто мы в банке под крышкой.

— Хватит истерик, — огрызнулся Костя, хотя его собственный воротник куртки был насквозь мокрым от пота. — Идите строго по моему следу. И не дай бог кому-то сойти с тропы.

Минут через сорок изнурительного марша деревья впереди начали расступаться, и мы наконец вышли к старой речной протоке. Но это место не принесло облегчения.

Река, которая на старых картах значилась как правый приток реки Днепр, сейчас выглядела жутко. Вода в ней была абсолютно неподвижной, черной и маслянистой, словно в русло вылили тысячи тонн отработанного машинного масла. На её поверхности не было ни единой ряби, ни одного всплеска рыбы. Вода казалась мертвой, тяжелой массой, которая лениво лизала покрытый склизким серым илом берег. От реки тянуло резким, химическим холодом и тем самым удушливым запахом, который мы почувствовали у границы периметра.

— Ставим лагерь здесь, на возвышенности, — Костя сбросил тяжелый рюкзак на небольшую прогалину, свободную от серых деревьев. — Димон, Серый — на вас палатки. Тёма, собери что-нибудь для костра. Только ищи дерево посуше, хотя, судя по виду, тут всё прогнило до основания.

Я вытащил нож из ножен. Его лезвие тускло блеснуло в сгущающихся сумерках. Отойдя на пару метров от лагеря, я подошел к поваленному стволу какого-то дерева. Попытался отсечь сук — и нож с легким, чавкающим звуком вошел в древесину почти наполовину, словно это было не дерево, а кусок старого, отсыревшего поролон. Древесина внутри оказалась черной, трухлявой и совершенно мокрой. Она не подходила для костра, но другого выбора не было. Кое-как наломав ветвей, я вернулся к ребятам.

Костер разгорался нехотя. Серый извел почти полфлакона сухой розжиги, прежде чем над кучей мокрых веток поднялось вялое, зеленоватое пламя. Дым от него не поднимался вверх, к кронам деревьев, а тяжелыми, густыми клубами стелился по земле, затекая в складки наших курток и заставляя слезиться глаза.

Мы сидели вокруг этого уродливого костра, тесно прижавшись друг к другу плечами, пытаясь защититься от пронизывающей ночной сырости. Чтобы хоть как-то заглушить давящую, звенящую тишину мёртвого леса и отогнать липкую тревогу, мы начали разговаривать. Точнее, говорил в основном Димон — его голос в этой первобытной глуши звучал излишне громко, почти вызывающе. Он изо всех сил пытался разрядить обстановку и вернуть нам прежний боевой настрой, увлечённо пересказывая какую-то полубайку-полубыль о бывалых сталкерах и лихо жестикулируя. Серый время от времени лениво вставлял свои привычные скептические замечания, механически перебирая пальцами ремешок выключенного детектора, а Костя лишь хмуро подбрасывал в огонь остатки трухлявых веток. Темнота захлопнулась над нами мгновенно, словно кто-то щелкнул выключателем. Туман у реки стал настолько плотным, что вялое пламя костра едва пробивало его на метр в сторону. Дальше была лишь непроглядная, дышащая сыростью черная пустота.

Я сидел, положив ладонь на рукоять ножа, прислушивался к громкой болтовне парней и чувствовал, как страх — медленный, холодный, как речная вода — всё равно неумолимо пробирается под куртку, вопреки всему их напускному веселью.

И тут это случилось.

Звук пришел не из леса. И не со стороны черной реки. Он шел снизу. Из-под земли. Прямо под нашими задницами, глубоко в толще сырого грунта, раздался тяжелый, глухой удар.

Тук.

Мы все одновременно вздрогнули. Серый выронил прибор, и тот негромко звякнул о камень.

— Что это было? — Димон вскочил, едва не наступив в костер, его лицо в зеленоватых отсветах пламени казалось маской покойника. — Землетрясение?

— Тихо! — Костя поднял ладонь, прижав ухо чуть ли не к самой земле.

Наступила секунда абсолютного, звенящего напряжения. Мое сердце колотилось где-то в районе горла. И земля ответила снова. На этот раз удар был чуть четче, ближе, словно кто-то огромный, запертый в подземном бункере под нами, методично бил кулаком в тяжелую стальную плиту.

Тук. Тук.

И вместе с этим стуком я физически почувствовал, как слабая, едва заметная вибрация прошла сквозь подошвы моих берцев, отозвавшись дрожью в коленях. Это не было геологическим сдвигом. В этом звуке был ритм. Чудовищный, медленный, сухой ритм чьего-то колоссального, просыпающегося сердца.

Димон, который ещё мгновение назад что-то увлечённо и громко рассказывал, активно размахивая руками, так и застыл на полуслове с походной ложкой у самого рта. Его челюсть слегка отвисла, а весёлые искорки в глазах в секунду сменились тупым, неосознанным оцепенением. В колеблющемся свете костра его расширившиеся зрачки казались неестественно большими, почти полностью поглотившими радужку.

Пламя, словно чутко среагировав на наше внезапное коллективное оцепенение, тоже необъяснимо присмирело. Оно перестало весело трещать сучьями, прекратило выбрасывать искры в чернильную высь и мгновенно сжалось, превратившись в робкий, прижатый к самой земле рыжий огонёк, который больше не освещал чащу, а лишь испуганно дрожал от самого слабого движения воздуха.

Прошло ровно пять долгих, мучительных секунд, в течение которых каждый из нас превратился в неподвижное изваяние. Я слышал, как кровь с глухим шумом бьётся в моих висках.

Тук.

Тишина, навалившаяся сразу после этого второго удара, стала ещё более плотной, тяжёлой и почти физически ощутимой, как холодный мокрый брезент. Этот звук не был похож на случайный треск подмытого рекой дерева, падение старой ветки или естественный ночной шум просыпающегося леса. Удары имели чёткий, выверенный, почти механический ритм с пугающе правильным интервалом. Так работает человек, методично вбивающий сваю, или... что-то другое, что очень хочет казаться человеком, копируя его осознанную деятельность.

— Слышали? — наконец едва слышно прошептал Димон, медленно, словно боясь сделать резкое движение, опуская руку с ложкой. Его голос, обычно уверенный и звонкий, сейчас сорвался на едва различимый, сиплый хрип.

Тук...

Звук доносился откуда-то слева, из самой непроглядной, густой чащи, где изломанные серокожие деревья сплетались в сплошную, монолитную стену.

— Это ещё что за хрень? — Серый медленно, стараясь не производить лишнего шума одеждой, поднялся на ноги. Его лицо в полумраке казалось высеченным из серого камня. Он беспокойно озирался по сторонам, до белизны в пальцах сжимая в правой руке свой выключенный поисковый фонарь. — Там что, кто-то... копает? Среди ночи, в этой Богом забытой дыре? Зачем?

— Копает или забивает что-то, — Костя уже тоже был на ногах. Он не суетился, двигался плавно, по-военному, но я видел, как его пальцы судорожно сжали сырую тяжелую ветку, которую он на всякий случай поднял с земли. — Только вот нормальные люди здесь, за периметром, по ночам с лопатами не ходят и ничего не вбивают.

Звук не прекращался, продолжая доноситься из темноты с пугающим постоянством. Эти ритмичные удары словно физически ввинчивались в мозг, заставляя наши сердца против воли подстраиваться под их тяжелый, монотонный и какой-то влажный темп.

— Если это дикие кабаны или лоси к лагерю забрели, — Димон резко, с громким шелчком перевёл тумблер своего мощного фонаря в рабочий режим, — то лучше нам заранее знать, где именно эти туши находятся, прежде чем они решат с разбегу зайти к нам на огонёк и перевернуть палатку вместе с нами.

Я сам не заметил, как поднялся на ноги вслед за остальными. Страх — липкий, холодный и противный — уже всюю полз вверх по моему позвоночнику, заставляя кожу на затылке стягиваться. Но то самое иррациональное, давящее любопытство, которое изначально пригнало меня в эту глушь из душного города, сейчас с чудовищной силой потянуло вперед, прямо в

сырую ночную тьму. Рука сама собой опустилась на пояс, пальцы нащупали рукоять охотничьего ножа. Я не стал доставать его, но само присутствие тяжелой, надежной стали у бедра немного уняло дрожь в коленях.

— Я гляну, — коротко бросил я, делая решительный шаг за пределы спасительного рыжего круга света от костра.

— Я с тобой, — Димон тут же пристроился рядом, выравнивая ослепительно-белый луч фонаря и прорезая им ночную мглу перед нами.

— Вы оба — идиоты! — яростно, но максимально тихо прошипел нам в спины Костя. Он тут же встал следом, на секунду замялся, колеблясь, но непреклонно добавил: — Только быстро. Десять метров вглубь чащи — и сразу назад. Если фонарь выхватит что-то крупнее обычной лесной крысы — разворачиваетесь и на полной скорости дуете обратно к костру. Поняли?

Мы послушно кивнули и нырнули под угрюмые, низкие своды мертвого леса.

Два мощных луча фонарей с трудом кромсали вековую тьму, выхватывая из сырого небытия искривленные, покрытые чешуйчатым серым лишайником стволы сосен и корявые ветки. Воздух здесь, в глубине чащи, казался ещё холоднее и застойнее. С каждым сделанным шагом загадочный звук становился всё отчетливее, тяжелее и материальнее. Теперь к сухому, глухому стуку примешался новый, тошнотворный оттенок — влажный, чавкающий хруст развороченной земли, будто кто-то с нечеловеческой силой раз за разом вгонял штыковую лопату в жирную, податливую глину.

— Это точно не животное... животные так не умеют, — едва слышно прошептал Димон мне прямо в затылок. Я физически ощущал его частое, прерывистое и горячее дыхание на своей шее.

Мы вышли к источнику звука буквально через пару минут, пройдя чуть дальше, чем требовал Костя. Прямо посреди небольшой, скрытой от посторонних глаз прогалинки, зажатой между трех огромных вековых елей, земля просела и обвалилась, обнажив зияющий, абсолютно черный провал.

Но это не была обычная промоина, старый блиндаж или карстовая воронка. Это был самый настоящий вход в подземелье. Грубый, рваный, уходящий под крутым углом глубоко под переплетенные корни деревьев, он пугающе напоминал распахнутую глотку какого-то гигантского подземного зверя, затаившегося в недрах Зоны.

Вся земля вокруг этого провала была свежевырытой. На антрацитово-черном грунте отчетливо выделялись влажные, крупные комья глины, которые ещё не успели обветриться, высохнуть или покрыться утренним инеем. Складывалось полное, отчетливое и жуткое ощущение, что тот, кто рыл эту глубокую дыру, закончил свою работу буквально за секунду до нашего появления и прямо сейчас притаился там, в этой непроглядной сырой темноте, вслушиваясь в наши шаги.

Из провала резко пахло могильным, леденящим холодом и чем-то ещё... Тяжелым, приторно-сладковатым, удушливым запахом органического разложения, намертво смешанным с резким, химическим привкусом старой, застоявшейся извести или реактивов. Этот концентрированный смрад мгновенно забил ноздри, вызвав у меня резкий, спазматический рвотный позыв.

— Уходим. Сейчас же назад, — выдавил я сквозь зубы, чувствуя, как кожа на затылке окончательно задеревенела от ужаса. — Костян прав, нам здесь нечего делать. Это место... оно неправильное.

Но Димон, ведомый своим дурацким, большим азартом и неистребимым желанием во всём разобраться до конца, проигнорировал мои слова. Он сделал полшага вперед и направил ослепительный, плотный луч своего поискового фонаря прямо внутрь темной пещеры.

Белый свет скользнул по склизким, влажно поблескивающим стенам лаза, выхватил кучи рыхлой, свежей земли и на секунду замер на самом дне входа.

— Матерь Божья... — выдохнул Димон, и его рука, удерживающая тяжелый фонарь, заметно и крупно дрогнула.

Я подошел вплотную, заглядывая через его плечо вглубь провала, и почувствовал, как мое сердце просто пропустило удар, а затем и вовсе перестало биться.

Весь вход, вся эта влажная, развороченная черная глина была буквально испещрена следами. Но это не были следы копыт лесных животных. И не отпечатки подошв тяжелой обуви мародеров.

В грязи отчетливо, пугающе ясно и детально виднелись рельефные отпечатки голых человеческих ладоней. Десятки, сотни отпечатков, перекрывающих друг друга. Длинные, неестественно тонкие пальцы с чудовищной силой впивались в мягкий грунт, оставляя глубокие, рваные борозды. Казалось, кто-то — или что-то, очень сильно напоминающее человека — долго, упорно и лихорадочно ползало здесь на четвереньках, бесконечным плотным потоком вползая внутрь и выползая наружу из этой черной дыры.

— Это ненормально... это, чёрт возьми, совсем ненормально... — мой собственный голос превратился в сиплый, едва различимый хрип.

И в этот самый момент из глубины, из самой непроглядной, зловонной и ледяной глотки этой подземной пещеры, донесся совершенно новый звук.

Это не был удар монтировки. И не шорох осыпающейся земли. Это был звук живого вдоха.

Длинный, хриплый, натужный и свистящий вдох, за которым, после секундной паузы, последовал медленный, тяжелый, исходящий из самого нутра выдох. Будто там, внизу, в вечной сырости, темноте и гнили, только что окончательно пробудилось нечто колоссальное, древнее и безгранично голодное. И оно только что почуяло наш запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.